

Хозяин музея

Для коренных переславцев понятие «музей» тесно связано с первомайскими праздниками. Вспоминаю семидесятые годы. Второго мая, в этот замечательно-весенний выходной, мама брала меня, тогда маленькую девочку, за руку и вела сюда, в музей.

На Горицком холме весело желтели в ярко-зелёной молодой травке только что раскрывшиеся одуванчики, похожие на бросившихся врассыпную крохотных цыплят, разворачивали свои тугие клейкие почки тополя, и берёзы покрывались первой пушисто-нежной зеленью.

Во второй день весеннего месяца мая у Горицкого монастыря собирались толпы людей, такая это была чудесная народная традиция — посетить музей хотя бы раз в году! С детства сохранились два самых ярких воспоминания: неизбывный страх и оторопь при виде аккуратно разложенных на вате в витрине желто-серых костей и черепов — остатки древних захоронений — и уютно-маленькая крестьянская избушка, стоящая прямо посреди зала, а внутри — дед да баба (может, живые?), да пятнистый телёночек, да свинка с курочками. А мама поясняла: «Посмотри, как раньше плохо жили, со скотиной в одном доме, да и изба-то на сарайку похожа». Каюсь, удалось мне, втайне от смотрительницы — не уследила, — пробраться в тот домик и бабку за подол дёрнуть — нет, не живая!..

Сейчас, много лет спустя, на территории музея тихо и пустынно, только вороны гортанным карканьем нарушают настоящую, как хорошее вино, тишину.

А почему бы и нет, монастырь всё-таки — подумалось вдруг, — здесь и должно быть уютно и покойно.

А привела нас в музей, увы, не традиция, а грустное известие — бессменный на протяжении последних полутора десятков лет директор музея **Семёнов Михаил Михайлович** увольняется, уходит на пенсию.

Здесь вторник — выходной день, но директор на месте, в своём кабинете.

— Михаил Михайлович, я знаю вас несколько лет, знаю и ситуацию, в которой находится сейчас отечественная культура. Вывод напрашивается сам: устали стучаться в закрытую дверь.

— Устал. Вопросы финансирования музея решаются крайне тяжело, мне легче решить их в правительстве области или в Министерстве культуры, чем здесь, в Переславле. Сотрудники нашего городского отдела культуры почему-то считают, что музей сам должен себя содержать. Но нет в мире таких музеев, которые были бы самокупаемы. Раньше 20 процентов от сметных ассигнований мы могли покрыть доходами от продажи билетов — тогда к нам приезжало великое множество туристов. Сейчас же туристов нет. Посмотрите: я пришёл сюда в 1983 году, а в 1984-м мы открыли музей на 2 мая после большой и долгой реставрации. Тогда в этот традиционный для посещения день пришли три тысячи человек, а в прошлом году — всего шестьсот! Чувствуете, как уменьшилось количество людей, которым дорога наша культура?

— Вы преемника себе воспитали?

— Я предлагаю, как во всех цивилизованных странах, объявить конкурс, выбрать молодого и энергичного. Конечно, он должен знать, что идёт на очень низкую зарплату, что у нас 10 тысяч квадратных метров экспозиционных и служебных помещений плюс 35 гектаров земли. Но я — оптимист и думаю, что меня заменит более активный и, возможно, амбициозный руководитель.

Я же остался человеком прошлого времени. Тогда власти к культуре относились с пониманием, и, как ни ругали первого секретаря ярославского обкома партии Лощенкова, но под его началом и при его поддержке были построены Горки Переславские, открыт «Ботик Петра Первого». Ни одно обращение в адрес обкома партии не оставалось незамеченным — обязательно помогали. А сейчас пиши — не пиши — всё равно, как на деревню дедушке. Или пришлют отписку, мол, бюджет дефицитный, помочь ничем не можем.

Третий год наши музейные мастерские по реставрации памятников архитектуры ничего не реставрируют — нет средств. Наши иконы и другие экспонаты мы всегда реставрировали в Москве и Ярославле. Сейчас там, в Москве, двадцать наших экспонатов, реставрацию которых мы не в силах оплатить. Нам их не отдают, наши музейные иконы используются на всевозможных выставках, их возят по стране... Я написал письма в Министерство культуры, в Ярославль, чтобы помогли. Может, и съездить туда придётся — бывает, приедешь в Ярославль, посидишь там в приёмной часа 2—3, а то и на другой день останешься, — зато чувствуешь, что вопросы решаемы: в декабре председатель правительства области Ковалёв подписал 13 миллионов рублей на багетные рамы для нашей картинной галереи.

— **Что Вы храните в запасниках?**

— Три года тому назад мы вынесли из подвалов золото, серебро, камня драгоценные и полудрагоценные и открыли ризницу. Раньше выставлять на обозрение эти «пережитки буржуазного прошлого» в идеологическом плане не приветствовалось, а сейчас — делай, что хочешь.

Всего в музее около 80 тысяч экспонатов, мы экспонируем на сегодня 12,5 тысяч, остальные — в запасниках. Самые ценные, конечно, мы показываем, к тому же постоянно их меняем, «освежаем» экспозицию.

— **Вы родились здесь, в Переславле?**

— Нет, рядом. Я родился в Борисоглебском районе, в деревне Антонихе. Сейчас, признаться, такая мода пошла — все в графья записываются. Не хотелось бы мне быть похожим на новоявленного дворянина, хотя что-то такое есть и в моём роду. Дед мой и отец из Питера, у меня сохранилось свидетельство о рождении отца — его крестили в Казанском соборе. Дед содержал в Петербурге ряд магазинов и огромный дом. Под Ростовом великим было у него имение, а в районе Борисоглеба — охотничьи угодья, оттуда и поставляли ему крестьяне рябчиков и глухарей, а приказчики в питерских магазинах эту дичь продавали. После революции деда с семьёй, конечно, выселили из его большого дома, и на почве этого дед покончил жизнь самоубийством. Чтобы избежать гонений, отец вынужден был приехать сюда, бывшее своё имение, здесь же он и жену себе нашёл, и я на свет появился.

— **Где Вы учились, как попали в наш город?**

— В Ярославле я закончил техникум лёгкой промышленности и получил направление в Переславль, на фабрику «Красное эхо». Работал там ремонтником чесальных машин.

Потом армия, почти 4 года служил в Плесецке, из армии вернулся с водительскими правами — устроился в Ярославле, на НПЗ шофёром. Но ведь после армии положен отпуск, вот я и решил проведать друзей из Переславля. Приехал сюда — а они уже все начальниками стали. Рассказал я им, где и как устроился, а они мне: «Да ты что, приезжай сюда, да здесь, в Переславле, столько красивых девчонок, мы здесь будем все вместе!»

Рассчитался я в Ярославле, вернулся сюда. Взяли помощником мастера на «Красное эхо», общежитие дали. Потом мастером стал. Жену себе нашёл на фабрике, получается, за этим и приезжал.

С фабрики ушёл на общественную работу в горком комсомола. Работал там первым секретарём шесть лет, с 1962 года. В комсомоле отличная работа была, с молодёжью всегда интересно, столько человек было в организации, что в городской, что в районной — в одном Берендееве — 100 комсомольцев! Мы с ними праздники проводили, встречи, соревнования — замечательно, активно, интересно жили! В 1967 году мне исполнилось 30 лет, вышел уже из комсомольского возраста — поступило предложение о работе в горкоме партии.

Я отказался и пошёл работать в ПТУ-6 директором, оно было в здании, которое занимают сейчас музыкальная и художественная школы. Проработал там 14 лет, учеников — 700 человек, всякое бывало, драки, разбой, даже изнасилования. А директор за всё в ответе.

Но всё равно работа нравилась: с ребятами я всегда находил общий язык, и по ночным улицам ходить мне было не страшно. Я знал, что меня никто не тронет, потому что везде — мои ученики, машину я мог оставить где угодно, знал, что её никто не испортит, на запчасти не разберёт, ничего из неё не украдёт. Учительский коллектив тоже был хороший, все примерно одного со мной возраста, работоспособные, ответственные, настоящие трудяги, со временем никогда не считались. Я всегда говорил ученикам, что мастер для них — и мама и папа. Педагогическая работа очень беспокойная, но вспоминаю я о ней с удовольствием и удовлетворением, и, если бы не несчастный случай, не оставил бы её.

А случилось вот что. Поехал я в Питер — тогда Ленинград — на экскурсию, и при подъезде к «северной столице» стало мне плохо — начался сердечный приступ. Хорошо, что среди туристов была женщина-врач, оказала она мне первую помощь, шофёр остановил милицейскую машину — она и сопровождала наш автобус до самой реанимации. Пролежал я там три дня, написали мне медики целую тетрадку рекомендаций и отправили обратно, в Переславль. Приехал, лёг в нашу больницу, а чувствую себя неважно. Были ещё приступы, и врачи посоветовали: «Бросай педагогику, уходи туда, где спокойнее». Вот и решил я идти на работу в музей, я ведь закончил заочно истфак Ярославского пединститута во время работы в горкоме комсомола. Все монастыри, все церкви облазил не только в городе, но и в районе. Было желание заняться историей, научно-исследовательской работой.

Знал бы я, куда шёл. Оказалось, что здесь, как на поле Куликовом: «И вечный бой, покой нам только снится». Особенно тяжело сейчас, в наше время. Утром проснёшься — Боже мой, опять надо идти на работу, там водопровод чинить, там крышу, — а прибегу, что-то сделаю, вроде бы и успокоился. Сотрудники меня поддерживают: «Брось ты, не расстраивайся, посмотри, что кругом творится!» Работники-то у меня замечательные, я их подкармливаю немножко, они и за это благодарны. За счёт спецсредств по пять тысяч в рабочий день на обед им даём. Если у музейной смотрительницы оклад — 149 тысяч рублей, то с этой надбавкой ей хватает на хлеб и молоко.

А спецсредства изыскиваем за счёт продажи билетов, аренды автобуса.

— Первый раз Вы приехали в Переславль сорок лет назад. Как город изменился с тех пор?

— Сильно изменился, и народ другой стал. А какой базар тогда был! На рынке можно было селёдку копчёную купить — ряпушку, рыбу — и солёную, и свежую. Никогда не забуду, как кринки топлёного молока с запечённым верхом рядами стояли. Обязательно на Новый год гусей продавали, уже ощипанных, готовых к кулинарной обработке. Мы всегда старались на новогодние праздники гуся приготовить.

Город тогда был намного меньше. Чкаловского посёлка не было, улиц, идущих к Соколке, 5-го, 6-го микрорайонов — тоже, городской автобус ходил от заставы до Красного Химика, а там разворачивался.

— Как изменился музей с Вашим приходом?

— В мою бытность отреставрированы Трапезная палата и Всехсвятская церковь, колокольня (сделана там смотровая площадка), внутренние музейные помещения полностью отреставрированы и оборудован выставочный зал, сейчас там представлены маски. Все крепостные башни были захламлены, мы привели их в божеский вид, в одной сделали мастерскую для художника, внизу — фотолабораторию планируем, ещё одну башню оборудуем под научную библиотеку. Там три этажа, осталось сделать только косметический ремонт, и научная библиотека может переезжать. В ней 18 тысяч книг, не считая многолетних подшивок газет и журналов.

— Расскажите о самых ценных экспонатах Вашего музея.

— Мы отреставрировали 268 экспонатов, но самый дорогой для нас — это дарохранильница 1789 года. Это шкатулка в виде храма, по краям её — ангелы. Обычно в таких хранятся мощи святых. Она здорово обгорела в каком-то монастыре, была вся чёрная-чёрная и смятая, мы отвезли её в Москву — оказалось, что она вся позолоченная, а ангелы — из чистого серебра, теперь она — гордость нашей экспозиции. Надо было заплатить за её реставрацию 70 тысяч, в те времена это были огромнейшие деньги. А их нет. Обратились в наш исполком — нет, в Ярославль — тоже нет. Позвонили в Москву — нет, ничем не можем помочь. И тогда мы решили форсировать ситуацию: сочиняем письмо в Москву,

в котором перечисляем несколько музейных экспонатов и просим разрешения продать их для того, чтобы рассчитаться за реставрацию. Или: предлагаем выставить на аукцион эту дарохранильницу.

Буквально через два дня пришло уведомление из Москвы об оплате реставрационных работ. Поняли, наконец, что музеям нужно помогать.

Тогда ещё можно было напугать власти такой постановкой вопроса, как разбазаривание национальных ценностей, а сейчас, наоборот, присылают рекомендации — можете продать и то, и это, чтобы музей поддержать. Конечно, мы ни одной вещи не продали и продавать не собираемся. Пока я здесь — этого не случится.

— **Но Вы ведь уходите собираетесь...**

— Останется заведующая фондами Галина Михайловна Петровнина, она очень добросовестный и порядочный человек. Знаю, что она не отдаст.

Далее, предметом законной гордости нашего музея является паникадило XVIII века — загляденье, во всех музеях области я лучшего не встречал. Мы отреставрировали его в Москве, в фирме при Министерстве культуры.

Слюдяницы (окна) из дворца Петра I на Ботике, дворца давным-давно нет, а слюдяницы сохранились. Мы отреставрировали их 12 штук, есть и простые, и цветные, каждая состоит из 12 слоёв, эти слои все разбирались, промывались, чистились.

— **Как Вы любите проводить своё свободное время?**

— В молодости любимыми занятиями были охота и рыбалка, по воскресеньям со своими ребятами из ПТУ ходил. За 10 лет во время отпусков с женой всю Россию объездили — от Карелии до Чёрного моря, даже с Гагариным посчастливилось встретиться, а его мать, Анна Тимофеевна, в Гжатске нас чаем угощала. Интересно время проводили, мне ведь тогда ничего не надо было — ни картошки своей, ни капусты — их на рынке по 10 копеек за килограмм продавали, и не было необходимости силы тратить на их выращивание. А как началась перестройка — пришлось взять приличный огород в 15 соток в Фалелеево, у сына ещё 15 соток, дачу построили.

— **Я знаю, что Вы — заядлый пасечник...**

— Всё началось с трёх ульев, которые стояли у тещи в огороде. Этого и на семью хватало, и было чем гостей угостить. Сейчас же у меня на пасеке более 20 ульев, к моему директорскому окладу в 450 тысяч это большое подспорье. Мёд на рынке не продаю — только знакомым, тем, кто уже попробовал и оценил. За последние годы сильно устаю — все выходные на даче работать приходится, надо за ульями ухаживать, но я люблю свою пасеку.

— **А пчёлы Вас любят?**

— Да. Они знают, где свои, а где чужие. «Чужие» часто приходят и приносят незнакомые запахи, дамы — ароматы духов, мужчины — запахи возлияний, а пчёлы этого не любят, поэтому я стараюсь не раздражать их ни тем, ни другим.

Пчеловодство — очень сложная наука. Многие думают, что с появлением в хозяйстве пчёл мёда будет сколько угодно. Я своим друзьям давал пчёл, рассказывал, как за ними ухаживать, но у многих они не выживали. Пчёлы живут у тех, кто серьёзно относится к уходу за ними. Только тогда, когда они чувствуют любовь и заботу, они усердно работают и приносят много мёда.

— **А на рыбалку больше не ходите?**

— Редко, один-два раза за всё лето. На работе, бывает, встану, к окну подойду — а вид у меня из кабинета изумительный, прямо на озеро, — смотрю, сидят рыбаки на льду, ловят. Вот, думаю, как будто и побывал на рыбалке.

Вспоминаю, каким большим удовольствием это было для меня раньше, сейчас другие заботы — пчёлы, постройка, ремонт, отпуск весь живу на даче, а жена там проживает с мая по ноябрь — она на пенсии, теперь и я там жить буду, скоро апрель...

— **Видите ли Вы перспективы для развития музейного дела в России, верите ли в возрождение нашей культуры?**

— Безоговорочно верю. Возьмём, к примеру, наш музей — он с 1919 года пережил такие тяжкие, смутные времена! Во время Великой Отечественной войны был даже такой момент,

когда упаковали все экспонаты, хотели вывезти из города, — дорога на Москву уже была перерезана в районе Наугольного, немцы её заняли. Хорошо, что наши Москву вовремя отвоевали, не пришлось музею переезжать.

Да, были времена хуже нынешних, и всё равно выживали! Возродимся, надоест народу жить на коленях, хотя и терпелив он безмерно. Лет через 10 непременно наступит перелом в человеческом сознании, ведь история Переславля, история народа — ценность великая, не могут они мёртвым грузом лежать, непременно будут востребованы. Не обойдётся русский человек без культуры, сейчас немножко подкормится, подумает, как говорится, о брюхе, а потом — обязательно — о духе.

Переславль на протяжении всей своей истории всегда был очагом культуры, и наши городские власти, уверен, осознают, что без конкретной, значимой помощи, направленной на развитие музея, музыкальной и художественной школ, управлять жизнью города очень проблематично. Ведь именно на этих трёх китах и держится вся наша городская культура. Высокому профессиональному уровню этих учреждений приходится удивляться, ведь они существуют только благодаря подвижничеству их руководителей.

Существуют, конечно, и библиотеки, и дома культуры, но вклад, который вносят в духовное развитие переславцев музей и эти две школы, настолько значим, что оценить его просто невозможно.

Верю, что жить станем лучше. Посмотрите — Ярославль уже возрождается. Конечно, если бы у меня здесь был не музей, а губернаторский дом, культурное возрождение нашего города было бы не за горами. Что же, и до нас очередь дойдёт.

— **В этом году исполняется 15 лет Вашей работы в музее — дата всё-таки...**

— Мы отметили мой день рождения — в декабре мне исполнилось 60 лет, теперь собираемся отметить мой уход...

— **До свидания, Михаил Михайлович. Самое большое желание у меня сейчас — чтобы музей после Вашего ухода не остался сиротой, чтобы новый директор был достойным продолжателем Вашего дела.**

Уходили мы из Горицкого монастыря, шли неспешно по знакомой с детства дорожке, мимо монастырского яблоневого сада, по-весеннему мокрого, и было горько и обидно до слез, что наш город так глупо теряет своих лучших работников — патриотов своего дела, своего родного края.

Хочется верить, что их силы и талант, отданные на служение отечественной культуре, не пропали всуе, что альтруизм до сих пор в моде и «не перевелись ещё богатыри на Руси», потому что сейчас только им под силу объять необъятные границы чиновничьего равнодушия и непрофессионализма, с которыми слишком часто приходилось сталкиваться бывшему директору музея Семёнову Михаилу Михайловичу.